





very sincerely yours
Alvan Quatermain

АЛЛАН КВОТЕРМЕЙН

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД



Священный цветок
Чудовище по имени Хоу-Хоу
Она и Аллан
Сокровище озера



Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
X 13

В оформлении книги использованы иллюстрации
Мориса Грайфенхагена
(Maurice Greiffenhagen; «Священный цветок», «Она и Аллан»),
Елены Шипицыной
(«Чудовище по имени Хоу-Хоу», «Сокровище озера»)

Перевод с английского
под редакцией Владимира Попова и Аллы Ахмеровой
(«Священный цветок»),
Кирилла Королева («Чудовище по имени Хоу-Хоу»),
Николая Непомнящего («Она и Аллан»),
Натали Машкиной («Сокровище озера»)

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрация на обложке Мориса Грайфенхагена

Составитель Александр Лютиков

© К. Королев, перевод, 2018
© Н. Непомнящий, перевод, 2018
© Н. Машкина, перевод, 2018
© Е. Шипицына, иллюстрации, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-11203-2

Священный цветок



Глава I
БРАТ ДЖОН

Вряд ли человек, которому знакомо имя Аллана Квотермейна, связал бы его в своем представлении с цветами, особенно с орхидеями. Тем не менее мне, охотнику Аллану Квотермейну, суждено было однажды участвовать в поисках орхидей столь исключительных, что при описании их нельзя опускать подробностей. Я постараюсь обстоятельно рассказать об этих поисках, и если кто-либо впоследствии захочет издать мои записки, милости прошу. Случилось это в том году... Впрочем, к чему нам знать, в каком именно году было дело? Случилось это очень давно, когда я еще сравнительно нестарым человеком участвовал в охотничьей экспедиции к северу от реки Лимпопо, граничащей с Трансваалем. Моим компаньоном был джентльмен по имени Скруп, Чарльз Скруп.

В Дурбан он приехал из Англии поохотиться. По крайней мере, это было одной из причин его приезда.

Другой причиной были его отношения с леди, которую я буду называть мисс Маргарет Маннерз, хотя это не настоящее ее имя. Кажется, они были помолвлены и действительно любили друг друга. К несчастью, они сильно повздорили из-за другого джентльмена, с которым мисс Маннерз протанцевала четыре танца подряд, включая два, обещанные жениху, на охотничьем балу в их родном Эссексе. Последовали объяснения, точнее, ссора. Мистер Скруп заявил, что не потерпит такого отношения от своей невесты. Мисс Маннерз ответила, что приказов не потерпит, мол, она сама себе хозяйка и намерена всегда оставаться таковой. Мистер Скруп воскликнул, что не возражает, поскольку его это не касается. Мисс Маннерз ответила, что после этого она больше не желает его видеть. Мистер Скруп заявил, что она не увидит его никогда, поскольку он уезжает в Африку охотиться на слонов. Мало слов — на следующий же день мистер Скруп покинул свой дом в Эссексе, не сообщив никому, куда именно едет. Позднее, много позднее выяснилось, что дожидись Скруп почты, то получил бы письмо, которое могло

бы изменить его планы. Но он и его невеста были горячими молодыми людьми, вот в пылу страсти и наделали глупостей.

Итак, Чарльз Скруп приехал в Дурбан, который был тогда пограничным захолустьем. Мы с ним встретились в баре отеля «Ройял».

«Если хотите охотиться на крупного зверя, — говорил кто-то (я его не запомнил), — то только один человек может показать вам, как это делается. Это охотник Квотермейн, лучший стрелок во всей Африке, превосходнейший человек».

Я сидел, покуривая трубку, и делал вид, что ничего не слышу. Неловко слушать, когда тебя хвалят, а я всегда был человеком скромным.

Мистер Скруп пошептался с посетителями бара, потом подошел ко мне и представился. Я отвесил поклон и оглядел его: высокий, темноволосый, романтичный, как все влюбленные.

Я сразу почувствовал к нему симпатию, которая усилилась, когда он заговорил.

Я всегда придаю большое значение голосу и изначально сужу о людях столько же по нему, сколько по лицу. В голосе Скрупа чувствовалась особенная приятность, хотя слова, с которыми он обратился ко мне, были самыми обыкновенными.

— Здравствуйте, сэр! — сказал он. — Выпьете со мной?

Я ответил, что днем крайне редко употребляю крепкие напитки, но охотно выпью с ним пива.

Допив пиво, мы отправились в мой маленький домик, в тот самый, где я впоследствии принимал друзей — Куртиса и Гуда. Поужинали мы у меня, и с этого момента Чарли Скруп не покидал мой дом до тех пор, пока мы не отправились в охотничью экспедицию.

Остальное я должен изложить вкратце, так как оно только отчасти связано с той историей, которую я намерен рассказать.

Мистер Скруп, человек состоятельный, взял на себя все организационные расходы и предложил мне воспользоваться всей слоновой костью и другой возможной добычей нашего предприятия. Я, конечно, не отказался от такого предложения.

Все шло хорошо до тех пор, пока наше путешествие не закончилось несчастьем. Мы убили всего двух слонов, но зато встретили множество другой дичи. Беда случилась на обратном пути, когда мы находились недалеко от залива Делагоа.

Как-то под вечер мы вышли на охоту, чтобы подстрелить себе дичь к ужину. Скоро я заметил среди деревьев антилопу. Она скрылась за выступом скалы, примыкавшей к склону оврага. Мы напра-

вились туда. Я шел впереди и, обогнув скалу, увидел антилопу, точнее, бушбока шагах в десяти от меня.

Вдруг из кустарника, растущего на вершине скалы, футах в двенадцати у меня над головой, послышался шум, потом возглас Чарли Скрупа:

— Осторожнее, Квотермейн! Он приближается.

— Кто? — спросил я раздраженно, так как шум спугнул антилопу и она убежала.

Вдруг у меня мелькнула мысль, что Скруп не стал бы кричать из-за пустяков, ведь, спугнув бушбока, мы лишились ужина. Я обернулся и посмотрел вверх. До сих пор я отчетливо помню, что представилось тогда моим глазам. Надо мной был гранитный валун, обточенный водой, вернее, несколько валунов, в раселинах которых рос папоротник рода *адиантум*, с серебристым отливом на внутренней стороне листьев.

На листе, свесившемся вниз, сидел большой жук с красными крыльями и черным туловищем, потиравший усики передними лапками, а выше, на самой вершине скалы, вырисовывалась голова великолепного леопарда. Записывая эти строки, я как сейчас вижу на фоне вечернего неба четырехугольную морду. На клыках пенилась слюна.

Это было последним, что я видел, так как в следующий момент леопард — в Южной Африке мы называем их тиграми — бросился мне на спину и сбил с ног. Я полагаю, что он тоже караулил бушбока и мне не обрадовался. К счастью, я упал на мягкий мох.

«Все кончено!» — подумал я, почувствовав на спине тяжесть зверя, прижавшего меня к земле, и, что еще хуже, его горячее дыхание. Еще миг, и острые клыки сомкнутся на моем горле. Потом я услышал выстрел Скрупа и яростное рычание раненого леопарда. Зверь, вероятно, решил, что это я его ранил, и вцепился мне в плечо.

Его зубы скользнули по моей коже, но, к счастью, захватили только прочный бархат моей охотничьей куртки. Зверь начал трясти меня, потом остановился, очевидно решив взяться за добычу покрепче. Тут я вспомнил, что у Скрупа одностволка и он лишен возможности выстрелить вторично. Я понял: мне конец. Почувствовал я не страх, а близость больших перемен. Не могу сказать, что мне припомнилась вся моя жизнь, но во всяком случае мелькнули два-три эпизода из детства. Так, например, я увидел, как сижу на коленях у матери и играю маленькой золотой рыбкой, которую она носила на цепочке часов.

Я пробормотал молитву и, кажется, потерял сознание, правда обморок длился всего несколько секунд. Когда я очнулся, моим

глазам предстало необычное зрелище: леопард дрался со Скрупом. Зверь стоял на одной задней лапе (другая была перебита), а передними буквально боксировал Скрупа, который колот его охотничьим ножом. Потом они повалились на землю — Скруп, а сверху леопард. Я вскочил со своего мшистого ложа — раздался сосущий звук, видно, место было топким.

Мое ружье лежало рядом в целости и сохранности, с взведенным курком, как и в тот момент, когда выпало из моих рук. Я поднял его и выстрелил зверю в голову, не дав ему схватить Скрупа за горло. Леопард рухнул замертво прямо на своего противника. Одно содрогание, одно судорожное сжатие его когтей на ноге бедного Скрупа, и все было кончено. Он лежал, будто спал, а под ним находился Скруп.

Освободить его оказалось непростым делом: леопард был очень тяжел. Но мне наконец удалось справиться с помощью сука, отломанного от дерева, должно быть, слоном.

Сук я использовал как рычаг. Скруп лежал весь в крови, в собственной или в звериной — неизвестно. Сперва мне показалось, что он мертв, но после того, как я плеснул на него водой из маленького ручейка, падавшего со скалы, он пришел в себя и пролепетал:

— Что со мной?

— Вы герой, — ответил я. Очень горжусь, что получилось в рифму.

Потом, дабы не провоцировать дальнейшие разговоры, я понес Скрупа в лагерь, который, к счастью, находился неподалеку.

Скруп безостановочно что-то бормотал. Правой рукой он обхватил меня за шею, я же левой держал его за пояс. Я прошел сотни две ярдов и вдруг почувствовал, что он потерял сознание. Нести раненого мне было не по силам, поэтому я оставил его и отправился за помощью.

В конце концов я с помощью кафров донес Скрупа на одеяле до палаток, где внимательно осмотрел его раны.

Он был весь исцарапан, но серьезными повреждениями можно было считать только прокушенные мышцы на левой руке и три глубокие царапины на бедре, нанесенные когтями леопарда.

Я дал Скрупу опийной настойки, чтобы он уснул, и, как сумел, перевязал его. Три дня все шло хорошо, и раны, казалось, начали заживать. Вдруг беднягу сразила лихорадка, вызванная, я полагаю, ядом с когтей или с зубов леопарда.

До чего же ужасной была следующая неделя!

Скруп весь горел и непрестанно бредил, особенно часто упоминавшая мисс Маргарет Маннерз. Я старался поддерживать его силы —

поил крепким мясным бульоном, смешанным с небольшим количеством бренди. Увы, Скруп становился все слабее и слабее. Кроме того, у него загноились раны на бедре. От кафров толку было мало, и ухаживать за раненым в основном приходилось мне. К счастью, леопард не причинил мне никакого вреда, если не считать потрясения, а в те времена я был человеком крепким. Но утомление сказывалось, ведь засыпать больше чем на полчаса я не осмеливался.

Наконец наступило утро, когда я окончательно выбился из сил. В маленькой палатке лежал и метался в бреду бедный Скруп, а я сидел около него, раздумывая, доживет ли он до следующего дня, и если доживет, то сколько времени еще я буду в состоянии ухаживать за ним. Я попросил кафра принести мне кофе, и едва поднес дрожащей рукой чашку к губам, как неожиданно явилась помощь...

Перед нашим лагерем росло два больших куста терновника, и вот при свете восходящего солнца я заметил между ними странную фигуру, медленно направлявшуюся ко мне. Это был мужчина неопределенного возраста. Длинные волосы и борода его поседели совершенно, а лицо казалось сравнительно молодым, если не считать пары морщинок у рта. Темные глаза излучали силу и энергию. На нем были охотничьи сапоги из недубленной кожи и сильно поношенное платье, поверх которого он накинул кожаную кароссу¹, нелепо болтавшуюся на его высокой костлявой фигуре. За спиной у него висел согнутый жестяной ящик, худые руки нервно сжимали длинный посох из черно-белого дерева, называемого туземцами умцимбити, и к концу его была привязана сетка для ловли бабочек. Позади шли несколько кафров, которые несли на голове ящики.

Я сразу узнал этого человека, так как мы с ним уже встречались в Зулуленде. Тогда он спокойно появился из гуши войска туземного племени, враждебно настроенного к белым.

Джентльмен в полном смысле этого слова, он был одной из самых странных личностей во всей Южной Африке. Никто не знал, кто он и откуда (сейчас-то мне известна его невероятная история), за исключением того, что он американец по происхождению. Последнее часто выдавал его выговор. Доктор по образованию, он, судя по навыкам, имел большие познания в медицине, включая хирургию. Для всех было тайной, откуда он получал средства к существованию. Много лет он скитался по Южной и Восточной Африке, ловил бабочек, собирал цветы.

Туземцы и белые считали его сумасшедшим. Такая репутация вместе с его врачебным искусством позволяла ему спокойно бро-

¹ Каросса — накидка из кожи или меха.

доть где вздумается, так как кафры смотрят на безумных как на вдохновенных Богом. Они звали его Догитой (искаженный вариант английского слова «доктор»). Белые звали его Братом Джоном, Дядей Сэмом, Святым Джоном. Второе прозвище он получил за свое необыкновенное сходство (когда бывал выбрит и хорошо одет) с фигурой, которая в юмористических журналах символизирует великую американскую нацию, так же как Джон Буль — Англию. Первое и третье прозвища он получил за свою доброту и предполагаемую способность питаться «акридами и диким медом». Сам же он предпочитал, чтобы его называли Братом Джоном.

Как же я обрадовался встрече, с каким облегчением вздохнул! Когда он подошел, я налил ему кофе и, вспомнив, что он любит очень сладкий, положил в кружку побольше сахара.

— Здравствуйте, Брат Джон, — сказал я, протягивая ему кофе.

— Здравствуйте, брат Аллан, — ответил он, взял кофе, опустил в него длинный палец, чтобы проверить, насколько горяч напиток, и размешать сахар, потом выпил его залпом, словно то был не кофе, а лекарственный препарат. После этого он вернул мне кружку, чтобы я снова наполнил ее.

— Все собираете жуков? — спросил я.

Брат Джон утвердительно кивнул:

— Жуков и цветы. Кроме того, веду наблюдения над человеческой натурой и чудесными творениями природы.

— Откуда вы теперь? — поинтересовался я.

— С холмов, что миль за двадцать отсюда. Покинул их вчера вечером. Шел целую ночь.

— Зачем? — удивился я, посмотрев на него.

— Почудилось, что кто-то зовет меня. Признаться, мне казалось, что это были вы, Аллан.

— Значит, вы слышали, что я здесь и что со мной раненый товарищ?

— Нет, я ничего не слышал. Я собирался отправиться к побережью сегодня утром. Но вечером, в пять минут девятого, если быть совсем точным, я получил ваше послание и направился сюда. Вот и все.

— Мое послание... — Я осекся и попросил Брата Джона показать мне свои часы. Поразительно, но они показывали то же время, что мои, с разницей лишь в две минуты. — Вы не поверите, — медленно начал я, — но вчера в пять минут девятого я впрямь просил о помощи. Я решил, что товарищ мой умирает, а самого большой палец поранить угораздилось. Только взывал я не к вам и не к другому человеку, понимаете, Брат Джон?

— Понимаю. Вы просили помощи, и это главное. Вы просили, и вас услышали.

Я снова посмотрел на Брата Джона, но ничего не сказал. Все это было очень странно, если только он говорил правду. Но он никогда не лгал. Человек он был в высшей степени правдивый, порой даже чересчур. А ведь есть люди, не верящие в силу молитвы.

— Что с вашим товарищем? — спросил Брат Джон.

— Изранен леопардом. Раны не заживают, кроме того, у него лихорадка. Боюсь, долго он не протянет.

— Ну, об этом вы судить не можете. Позвольте мне взглянуть на раненого.

Он внимательно осмотрел Скрупа и сделал много чудесного. Жестяной ящик был наполнен разнообразными лекарствами и хирургическими инструментами, которые Брат Джон хорошо прокипятил, прежде чем ими воспользоваться. Потом он настолько тщательно вымыл руки, что едва не стер с них кожу, истратив на это очень много мыла. Сначала бедный Чарли получил дозу какого-то лекарства, которое, казалось, убило его. Брат Джон упомянул, что это кафрское снадобье. Потом он вскрыл раны на бедре у Скрупа, очистил, приложил какие-то травы и перевязал. Когда Скруп очнулся, лекарь дал ему питья, вызвавшего сильный пот и прекратившего лихорадку.

Через два дня пациент Брата Джона просил есть и уже сидел в постели, а через неделю настолько оправился, что его можно было нести к побережью.

— Ваше послание спасло жизнь брату Чарли, — сказал мне старый бродяга на пути к побережью.

Я не ответил. Хочу пояснить: через своих кафров я уточнил, чем Брат Джон занимался, когда якобы получил послание. Видимо, следующим утром он впрямь собирался на побережье, но часа через два после заката неожиданно велел носильщикам свернуть лагерь и следовать за ним. Те повиновались и, к своему большому неудовольствию, целую ночь брели за Догитой, как они его зовут. Кафры так устали, что, если бы не боялись остаться в чужих местах, да еще в темное время суток, бросили бы поклажу и отказались идти дальше.

Насколько я разобрал, случившееся можно объяснить внушением, инстинктом или просто совпадением. Пусть читатель решает сам.

За время нашей совместной жизни в лагере, путешествия в бухту Делагоа и переезда оттуда в Дурбан мы с Братом Джоном постепенно сделались большими друзьями. О своем прошлом (о котором я узнал впоследствии) и о цели своих скитаний он, как я уже

упоминал, ничего не говорил. Но зато он часто рассказывал о своих естественно-научных и этнологических (по-моему, так они называются) занятиях. Я тоже интересовался этими вопросами и из своей личной практики немало знал об африканских племенах, об их нравах и обычаях.

Брат Джон показал мне много разнообразных предметов, собранных во время недавнего путешествия, жуков и бабочек, аккуратно приколотых к доньшку специальных ящичков, и большое количество сухих цветов, переложенных листьями папиросной бумаги. Среди последних, по словам Брата Джона, было много орхидей.

Заметив, что они привлекают мое внимание, Брат Джон спросил, не желаю ли я посмотреть на самую замечательную орхидею в мире. Я, конечно, ответил, что желаю, после чего он достал из ящичка плоский пакет размером около двух с половиной квадратных футов и начал развязывать. Сверху лежала тонкая травяная рогожка, какую плетут неподалеку от Занзибара, потом крышка упаковочного ящичка, снова рогожка и несколько старых номеров «Кейп джорнал», несколько листов папиросной бумаги и, наконец, между двумя листами картона — цветок и лист одного и того же растения.

Даже в засушенном виде цветок казался чудом: двадцать четыре дюйма от края одного бокового лепестка до края другого, двадцать дюймов от верхушки до дна чашечки. Точного размера чашечки я не помню — как минимум фут в диаметре. Даже сейчас околоцветник сохранил ярко-золотистый оттенок. Чашечка была белой с черными полосами, а в самом центре цветка красовалось большое темное пятно в виде обезьяньей головы. Здесь было все: нависшие брови, глубоко поставленные глаза, сердитая полоска рта и огромные челюсти. До того времени я видел горилл только на раскрашенных иллюстрациях, и пятно на цветке показалось мне точной копией такого изображения.

— Что это? — удивленно спросил я.

— Сэр, — сказал Брат Джон (он употреблял это формальное обращение, когда волновался), — это замечательная орхидея рода *ципripедиум*, и открыл этот цветок я! Здоровое корневище такого растения стоит по меньшей мере двадцать тысяч фунтов!

— Это выгоднее золотоискательства, — заметил я. — Что же, удалось вам достать такое корневище ?

— Нет, не посчастливилось, — ответил Брат Джон, печально покачивая головой.

— Откуда же у вас такой цветок?

— Я расскажу вам об этом, Аллан. Год с небольшим тому назад я пополнял свои коллекции в глухом районе острова Килва и нашел

там несколько чрезвычайно интересных вещей. Милях в трехстах от океана я встретил народ, до сих пор не видевший европейцев. Это многочисленное и воинственное племя смешанной зулусской крови называло себя мазиту...

— Слышал об этом племени, — перебил я Брата Джона, — полтора столетия тому назад, незадолго до времен Сензангаконы¹, оно поселилось на севере.

— Я легко понимал их язык, — продолжал Брат Джон, — так как мазиту говорят на немного искаженном зулусском, как и другие туземцы, живущие в тех местах. Сперва они хотели убить меня, но потом раздумали, так как решили, что я безумен. Все считают меня сумасшедшим, Аллан, но это глубокое заблуждение. Скорее, большинство других людей утратило рассудок.

— Насчет вас это единичное заблуждение, — торопливо возразил я, не желая продолжать разговор о безумии Брата Джона. — Ну и что же мазиту стали делать потом?

— Потом они узнали, что я обладаю медицинскими познаниями. Ко мне явился их король Бауси, страдавший от огромной опухоли. Я рискнул сделать ему операцию и вылечил его. Затея была очень рискованная, ведь, если бы умер король, мне тоже пришлось бы умереть. Но меня это не очень беспокоило, — прибавил он со вздохом. — С этого момента меня, конечно, стали считать великим чародеем. А Бауси сделался моим кровным братом — перелил немного своей крови в мои жилы и немного моей в свои. Я опасался, как бы он не заразил меня своим врожденным недугом. Итак, я стал Бауси, и Бауси стал мной. Другими словами, я такой же, как и он, вождь мазиту и всю свою жизнь останусь таковым.

— Это может пригодиться, — задумчиво сказал я, — но, прошу, продолжайте.

— Потом я узнал, что на западной границе земли мазиту будто бы находятся большие болота, за ними есть озеро, называемое Кируа, а на озере — большой плодородный остров с горой посередине и владеет им племя понго, давшее острову название.

— Ведь это, кажется, туземное название гориллы? — спросил я. — По крайней мере, так говорил мне один человек, бывавший на восточном побережье.

— Как вы дальше увидите, это в самом деле очень странно. Говорят, что понго — великие маги, поклоняющиеся богу-горилле или, вернее, двум богам. Другой бог у них — цветок. Кто главнее,

¹ Сензангакона — вождь племени зулусов, правивший в конце XVIII — начале XIX века.

цветок ли с обезьяньей головой или горилла, я не знаю. Вообще, я знаю о понго лишь то, что слышал от мазиту и от человека, называвшего себя вождем понго.

— Что же они говорили?

— Мазиту утверждают, что понго — демоны, пробирающиеся секретными путями на лодках через тростники и похищающие женщин и детей для принесения в жертву своим богам. Иногда понго нападают по ночам, завывая при этом, как гиены. Мужчин убивают, женщин и детей забирают в плен. Мазиту тоже хотели бы напасть на понго, да не могут. У них нет лодок, чтобы добраться до вражеского острова — если это действительно остров. Кроме того, мне рассказывали о чудесном цветке, который растет там, где живет бог-горилла. Цветку тоже поклоняются как божеству. Об этом мазиту слышали от соплеменников, сбежавших из плена понго.

— А вы не пробовали добраться до этого острова? — спросил я.

— Пробовал, Аллан. Я подходил вплотную к тростниковым зарослям у самого края большой равнины, на берегу озера. Там я провел некоторое время — ловил бабочек, собирал растения. Однажды ночью я проснулся и почувствовал, что рядом кто-то есть. В лагере я был один, так как после заката солнца никто из моих людей не желал оставаться у границы владений понго. Я выглянул из палатки и при свете заходящей луны (рассвет уже близился) увидел человека, опершегося на длинное копье с широким наконечником. Человек тот был очень высок, выше шести футов. Белый плащ ниспадал почти до земли, на голове была шапка с завязками, тоже белая, в ушах поблескивали медные или золотые кольца, на руках — браслеты из того же металла. Несмотря на темную кожу, черты лица казались слишком изящными для негроидной расы — нос не приплюснутый, губы тонкие. Этот воин скорее напоминал араба. На левой руке у него я заметил повязку. Лицо незнакомца омрачала тревога. Думаю, ему было лет пятьдесят. Он стоял столь неподвижно, что я начал гадать, не привидение ли это, из тех, что, по словам мазиту, понго посылают в их страну. Мы долго смотрели молча друг на друга, так как я решил не начинать разговора первым. Наконец он заговорил низким, глубоким голосом на языке мазиту или на похожем языке, поскольку я легко понимал его.

«Ты зовешься Догитой, о белый господин? Ты искусный врачеватель?»

«Да, — ответил я. — А кто ты, осмелившийся пробудить меня от сна?»

«Господин! Я — Калуби, вождь племени понго, на этой земле меня уважают и почитают».

«Зачем же ты, Калуби, вождь понго, явился сюда в ночное время и один?»

«А зачем ты, белый господин, пришел сюда один?» — уклончиво ответил он.

«Что же тебе угодно?» — спросил я.

«О Догита! Я ранен и хочу, чтобы ты излечил меня». — Он посмотрел на свою перевязанную руку.

«Отложи в сторону копье и распахни плащ. Хочу убедиться, что у тебя нет ножа».

Вождь понго повиновался, отбросив копье.

«Теперь развяжи руку».

Он развязал. Я зажег спичку — казалось, огонь сильно испугал вождя, хотя он не сказал ни слова, — и при свете ее осмотрел руку. Первый сустав указательного пальца отсутствовал. Судя по культуре, прижатой и туго обвязанной травой, сустав откусили.

«Кто это сделал?» — спросил я.

«Обезьяна, — ответил он. — Ядовитая обезьяна. Отрежь мне палец, о Догита, иначе завтра я умру».

«Почему же ты, Калуби, вождь понго, не велел своим лекарям отрезать тебе палец?»

«Нет-нет, — отвечал он, покачав головой, — они не могут. Это запрещает закон. А мне самому трудно, ибо если дальше окажется черное мясо, надо будет отрезать кисть, а если и дальше будет черное мясо, надо будет отрезать всю руку».

Я сел на походный стул и задумался, ведь среди ночной тьмы оперировать невозможно. Калуби, думая, что я отклоняю его просьбу, пришел в сильное волнение.

«Помилосердствуй, белый господин, — взмолился он — не дай мне умереть. Я боюсь смерти. Жизнь тяжела, но смерть еще хуже. Если ты откажешь мне, я убью себя здесь, перед тобой, и мой призыв будет посещать тебя до тех пор, пока ты не умрешь от страха и не присоединишься ко мне. Какую плату ты хочешь? Желаете золото, слоновой кости или рабов? Скажи, я дам тебе все».

«Молчи», — сказал я, так как понял, что, если вождь будет много говорить, у него начнется лихорадка, которая приведет операцию к роковому исходу. По той же причине я не стал расспрашивать его о многом, что интересовало меня. Я развел огонь и начал кипятить хирургические инструменты, а Калуби подумал, что я занялся магией. Тем временем взошло солнце.

«Ну, — сказал я, — теперь покажи, насколько ты храбр».

И вот, Аллан, я сделал операцию, отрезав ему палец у самого основания, так как решил, что в его словах о яде есть доля правды.

И действительно, впоследствии в ампутированной части — она хранится у меня в спирту, могу показать, — обнаружился яд. Чернота, о которой говорил Калуби, что-то вроде гангрены, распространилась почти по всему пальцу, хотя выше ткань кисти не пострадала. Вождь понго, без сомнения, был человеком мужественным. Во время операции он сидел неподвижно как скала и ни разу не поморщился. Увидев, что на месте разреза здоровая ткань, он вздохнул с большим облегчением. Когда все закончилось, он лишился чувств, но то был легкий обморок. Я дал ему немного винного спирта с водой, что подкрепило его.

«О господин Догита, — говорил он, когда я перевязывал ему руку, — на всю жизнь я твой раб. Но окажи мне еще одну услугу. В моих владениях водится ужасный дикий зверь, откусивший мне палец. Это демон. Он охотится на нас, мы его боимся. Я слышал, что у вас, белых, есть магическое оружие, которое убивает шумом. Приди на мою землю и убей того дикого зверя своим магическим оружием. Я молю тебя, приди, приди, ибо я в страхе».

Вождь действительно казался очень испуганным.

«Нет, — ответил я — я не проливаю крови. Я никого не убиваю, кроме бабочек, да и тех не так уж часто. Но если ты боишься этого зверя, почему ты не отравишь его? Вам, черным, известно много ядов».

«Без толку, без толку, — посетовал вождь. — Зверь умеет различать яды. Иные он глотает, и они не вредят ему, к иным он не прикасается. Ни один черный человек не может убить его. Нам издревле известно, что он падет только от руки белого».

«Очень странное животное...» — подозрительно начал я, уверенный, что Калуби лжет, и в этот самый момент моего слуха коснулись голоса.

Мои спутники с пением шли ко мне через высокую траву, но, по-видимому, были еще далеко. Калуби тоже услышал их и вскопчил.

«Мне надо идти, — сказал он. — Никто не должен видеть меня здесь. Но какую плату желаешь ты, о кудесник-лекарь?»

«За лечение я не беру платы, — ответил я. — Но погоди... На вашей земле растет чудесный цветок, верно? Я хотел бы его иметь».

«Кто сказал тебе о цветке? — спросил Калуби. — Это Священный цветок, а для тебя, о белый господин, он может быть опасен. Не говори о нем, о белый господин, ибо говорить о нем для тебя рискованно. Лучше возвращайся, приведи с собой кого-нибудь спо-

собного убить зверя, и я сделаю тебя богатым. Вернись и позови Калуби из тростника, Калуби услышит твой зов и явится к тебе».

Потом он схватил свое копьё и исчез в тростнике. Больше я его никогда не видел.

— Но откуда же вы, Брат Джон, достали этот цветок?

— Однажды утром, неделю спустя, я нашел его около своей палатки в узкогорлом глиняном сосуде с водой. Я, конечно, просил Калуби прислать мне корень растения, но он, вероятно, понял, что мне нужен только цветок. Или, может быть, он не посмел выкопать растение целиком. Во всяком случае, это лучше, чем ничего.

— Почему же вы сами не отправились в страну понго и не добыли его?

— По многим причинам, Аллан. Мазиту клялись, что любого, кто увидит этот цветок, умерщвляют. Когда они услышали, что у меня есть такой цветок, то заставили уйти миль за семьдесят, к другим границам своих земель. Поэтому я решил подождать, пока не найдутся люди, согласные меня сопровождать. Если честно, Аллан, я подумал, что вы охотно взглянули бы на странного зверя, способного откусить человеку палец и испугать до смерти. Удивительно, — прибавил Брат Джон, с улыбкой поглаживая длинную седую бороду, — что вскоре после этого я встретил вас.

— Вы так обо мне подумали? — спросил я. — Брат Джон, о вас болтают всякое, но я заключаю, что рассуждаете вы здраво.

Он снова улыбнулся и погладил длинную седую бороду.

Глава II

АУКЦИОННЫЙ ЗАЛ

Мне помнится, что разговор о понго, почитателях гориллы и Священного цветка, не возобновлялся вплоть до нашего приезда в мой дом в Дурбане. Туда я взял, конечно, с собою Чарльза Скрупа, туда же переехал и Брат Джон, который, за неимением свободных комнат у меня в доме, разбил палатку в саду.

Однажды вечером мы с ним сидели на крыльце и курили. Единственной слабостью Брата Джона было пристрастие к табаку. Он совершенно не пил вина, ел мясо только тогда, когда был принужден к этому обстоятельствами, но с удовольствием сообщаю, что при всяком удобном случае он, как и большинство американцев, курил сигары.

— Джон, — сказал я, — я думал о вашем рассказе и сделал несколько выводов.

— Какие, Аллан?

— Во-первых, вы порядком сглупили, не расспросив Калуби как следует. У вас был для этого удобный случай.

— Согласен с вами, Аллан, но ведь я доктор, и тогда меня главным образом занимала операция.

— Во-вторых, я уверен: Калуби подвергся нападению своего бога-обезьяны, и обезьяна эта — горилла.

— Почему вы так думаете?

— Потому что я слышал об обезьянах соко, живущих в Центральной Африке, которые откусывают у людей пальцы на руках и ногах. Говорят, они очень похожи на горилл.

— Я тоже знаю этих обезьян, Аллан. Однажды я видел соко, огромную коричневую обезьяну, которая стояла на задних лапах, а передними барабанила в грудь. Я не успел хорошенько рассмотреть эту громадину, потому что пришлось уносить ноги.

— В-третьих, желтая орхидея может принести много денег тому, кто выкопает растение и перевезет в Англию.

— Я, кажется, говорил вам, Аллан, что такая орхидея стоит около двадцати тысяч фунтов. Таким образом, ваш вывод не новость.

— В-четвертых, я не прочь пуститься на поиски этой редкости и получить свою долю от двадцати тысяч фунтов.

К этим словам Брат Джон проявил чрезвычайный интерес.

— Ага! — воскликнул он. — Теперь мы наконец дошли до самой сути дела. Я все ждал, когда вы скажете это, Аллан. У вас во всем так — медленно, но верно.

— В-пятых, — продолжал я, — для организации такой экспедиции потребуется значительно больше денег, чем есть у нас с вами вместе. Нам нужны компаньоны, активные или пассивные, но непременно с деньгами.

Брат Джон бросил взгляд на окно комнаты Чарли Скрупа, который, еще не окрепнув после болезни, спать ложился рано.

— Нет, — сказал я, — с него довольно Африки. Да и вы сами говорили, что он окончательно оправится не раньше чем через два года. Кроме того, тут замешана леди. Я послал ей письмо от своего имени. Ее адрес назвал Скруп; правда, он в тот момент не понимал, что говорит. Я написал ей, что он все время бредил только ею и что он герой. Ох! Что скажет Чарли Скруп, когда узнает, как я расписал его! Письмо ушло с последней почтой, и я надеюсь, скоро дойдет по назначению. Теперь слушайте дальше. Скруп желает, чтобы я сопровождал его в поездке домой. Он, по-видимому, надеет-

ся, что я замолвлю за него словечко, если мне случится встретиться с той леди. Он берет на себя все расходы по путешествию и предлагает уплатить мне за потраченное время. В последний раз я был в Англии в трехлетнем возрасте, поэтому мне не хотелось бы упустить такой случай.

Брат Джон помрачнел.

— А как же экспедиция? — спросил он.

— Сегодня первое ноября, — ответил я. — В тех местах начинается сезон дождей, который длится до апреля. Раньше не стоит и пытаться посетить ваших приятелей понго. Я же тем временем успею съездить в Англию и вернуться обратно. Если вы доверите мне ваш цветок, я возьму его с собой. Быть может, мне удастся найти человека, который согласится дать денег на организацию поисков этого растения. Если хотите, можете жить у меня и располагать моим домом как своим.

— Благодарю вас, Аллан, но несколько месяцев кряду мне на одном месте не усидеть. Я отправлюсь куда-нибудь, потом вернусь.

Брат Джон остановился, задумчиво устремив глаза в темноту. Потом предложил:

— Видите ли, брат, меня тянет бродить и бродить по этой земле, пока...

— Пока — что? — с нажимом спросил я.

Джон сделал над собой усилие и ответил с деланой беззаботностью:

— Пока не изучу каждый дюйм ее. Есть еще очень много племен, которых я не посетил.

— Включая понго, — сказал я. — Кстати, если я достану денег на экспедицию, то, полагаю, вы тоже отправитесь со мной? Ведь только с вашей помощью удастся пробраться к понго через земли ваших друзей мазиту.

— Конечно, я отправлюсь с вами. Более того, если вы не составите мне компанию, я пойду один. Я намерен исследовать страну понго, невзирая на смертельную опасность.

Я пристально посмотрел на него и произнес:

— Ради цветка вы, Джон, готовы рисковать многим. Или вы ищете что-то еще, кроме орхидей? Если так, надеюсь услышать правду. — Я сказал это, памятуя, что Брат Джон не приемлет лжи даже по мелочи.

— Хорошо, Аллан. Если вы так настаиваете, скажу вам всю правду. О понго я слышал больше, чем рассказал вам. Это было после того, как я оперировал Калуби, или после того, как я попытался

пробраться к понго один. Последнее, насколько вам известно, мне не удалось.

— Что же вы узнали?

— У понго, наряду с белым богом, есть и белая богиня.

— И что с того? Полагаю, это горилла-самка.

— Ничего, за исключением того, что богини всегда интересовали меня. Спокойной ночи!

«Старый чудак, — подумал я, — ты что-то скрываешь от меня. Хорошо. В один прекрасный день я узнаю, не ложь и не бред ли все это. Хотя вряд ли, существует же орхидея... Станный народ эти понго со своей белой богиней и Священным цветком. Поистине Африка страна необыкновенных людей и богов!»

Теперь место действия переносится в Англию. (Но не бойся, отважный читатель! Через несколько страниц мы снова окажемся в Африке.) Мистер Чарльз Скруп и я покинули Дурбан через день или два после моего последнего разговора с Братом Джоном. В Кейптауне мы сели на почтовый пароход, уютное суденышко, которое после долгого и утомительного плавания доставило нас в Плимут целыми и невредимыми. Попутчиками нашими оказались люди скучные и неинтересные. Большинство из них я забыл, но одну леди помню хорошо. Судя по вульгарной внешности, в молодости она служила официанткой, а теперь стала женой богатого винооторговца из Кейптауна. На нашу беду, после обеда у нее неизменно развязывался язык, а меня она особенно невзлюбила. Помню, как она сидела в салоне, освещенном керосиновой лампой, которая качалась над ее головой (эта леди всегда садилась под лампой, чтобы всем были видны ее бриллианты), и говорила: «Вы же не на охоте, мистер Аллан (с ударением на Аллан) Квотермейн. Вульгарным не место в приличном обществе. Пойдите причешитесь!» А ведь мои жесткие волосы не пригладить! Ее маленький супруг испуганно бормотал: «Перестань, дорогая! Ты ведь можешь обидеть».

Но к чему ворошить все это по прошествии стольких лет, ведь даже имена тех людей забылись? Наверное, тот эпизод застрял в памяти занозой. Еще вспоминается остров Вознесения, который мы посетили, — буруны, хлещущие берег, обнаженный пик, увенчанный зеленью, водяные черепахи. Мы захватили с собой пару, и я часто смотрел, как они лежат на баке на спинах, слабо шевеля конечностями. Одна сдохла, и я велел мяснику очистить для меня ее панцирь. Его обработали, отполировали, и впоследствии я преподнес панцирь мистеру Скрупу и невесте в качестве свадебного подарка. Я предполагал, что это будет корзинка для рукоделия, и был весьма смущен, когда одна глупая леди во всеуслышание объявила

на свадьбе, что никогда не видела столь красивой колыбели. Я, конечно, пытался объяснить ей назначение подарка, но все кругом посмеивались.

Только к чему я пишу о пустяках, не имеющих прямого отношения к моей истории?!

Я уже упоминал, что рискнул отправить письмо мисс Маннерз относительно мистера Скрупа и в этом послании, между прочим, сообщил, что «если герой останется в живых, то я, вероятно, привезу его домой со следующим почтовым пароходом». Мы прибыли в Плимут тихим ноябрьским утром, часов в восемь. Тут же подошел буксир за пассажирами, почтой и частью груза. Я смотрел, как судно подходит к нам, и увидел на его палубе полную леди, закутанную в меха, а рядом с ней молодую красивую блондинку в опрятном саржевом костюме и в круглой шляпе с плоской тульей и загнутыми кверху полями. Немного спустя ко мне подошел стюард и сказал, что меня просят в салон. Я отправился туда и нашел там двух упомянутых дам, стоявших рядом.

— Мистер Аллан Квотермейн? — осведомилась полная леди. — Скажите поскорее, где мистер Скруп, которого вы везете домой?

Что-то в ней и в ее манере обращения так встревожило меня, что я едва мог ответить:

— Внизу, мадам, внизу...

— Моя дорогая, — обратилась полная леди к своей спутнице, — я предупреждала: тебе нужно готовиться к худшему. Соберись с духом и не устраивай сцены перед всеми этими людьми. Пути Провидения неисповедимы. Не следовало отпускать бедного юношу в страну язычников. — Потом, обернувшись ко мне, она прибавила: — Я полагаю, он набальзамирован? Мы хотели бы похоронить его в Эссексе.

— Набальзамирован! — вскричал я. — Набальзамирован?! Да он в ванне или был в ней всего лишь несколько минут тому назад!

В следующую секунду молоденькая леди рыдала от радости у меня на плече.

— Маргарет! — воскликнула компаньонка, которая приходилась молодой особе кем-то вроде тетки. — Я просила тебя не устраивать публичных сцен. Мистер Квотермейн, ввиду того, что мистер Скруп жив, будьте добры попросить его сюда.

Я немедленно притащил Скрупа, не успевшего как следует побриться. Дальнейшую сцену несложно себе представить.

Хорошо быть героем. Благодаря мне Чарльз Скруп прослыл человеком отчаянной храбрости. Теперь у него есть внуки, и они уве-

рены: дед в молодости только и делал, что совершал подвиги. Более того, Скруп этого не отрицает.

Потом я отправился в Эссекс к молодой леди, в ее имение с красивым домом. Я попал на большой званый обед на двадцать четыре персоны. Мне пришлось произнести речь о Чарльзе Скрупе и леопарде. По-моему, она удалась на славу. По крайней мере, все рукоплескали, включая слуг, собравшихся в глубине парадного зала.

Помню, что для украшения рассказа я добавил в него еще нескольких леопардов (самку и трех подросших детенышей) и раненого буйвола. Мол, всех их поочередно мистер Скруп прикончил охотничьим ножом. До чего интересно было смотреть на него во время этого рассказа. К счастью, Скруп сидел рядом со мной, и я мог пинать его под столом. Я очень веселился и радовался за молодых, ведь они действительно любили друг друга. Хвала Всевышнему, что мне с помощью Брата Джона удалось их воссоединить.

Во время своего пребывания в Эссексе я впервые встретился с лордом Рэгноллом и очаровательной мисс Холмс, с которыми мне впоследствии суждено было пережить очень странные приключения.

После небольшой передышки я взялся за дело. Мне сказали, что в Сити есть фирма, занимающаяся аукционной продажей орхидей, которые в то время входили в моду у богатых садоводов. «Вот подходящее место, где мне следует показать свое сокровище, — подумал я. — Вне сомнений, господа из „Мэй и Примроуз“, — (так называлась эта всемирно известная фирма), — познакомят меня с богатыми орхидистами, которые пожелают вложить пару тысяч фунтов в поиски цветка, стбящего, по словам Брата Джона, неслыханных денег. По крайней мере, я попробую».

И вот в пятницу, около двенадцати часов дня, я направился в контору «Мэй и Примроуз», захватив золотистую орхидею *циприпедиум*, которая лежала теперь в плоской жестяной коробке. Для своего посещения я выбрал неудачное время, так как на вопрос, можно ли увидеть мистера Мэя, получил ответ, что он на выезде, оценивает растения.

— В таком случае я хотел бы видеть мистера Примроуза, — сказал я.

— Мистер Примроуз в аукционном зале, — бросил клерк, казавшийся очень занятым.

— А где это? — спросил я.

— За дверью налево, потом опять налево и под часы, — буркнул клерк, захлопывая окошечко.

Раздраженный такой грубостью, я едва не отказался от своей затеи. Впрочем, одумавшись, я все же пошел в указанном направле-

нии и через пару минут попал в узкий коридор, ведущий в большой зал. Новичков этот зал удивлял до глубины души. Первое, что бросилось мне в глаза, было объявление на стене, запрещающее посетителям курить трубку. «Странные растения эти орхидеи, если отличают сигарный дым от трубочного», — подумал я, переступая порог. Длинный стол слева заставили горшками с самыми красивыми цветами, какие я когда-либо видел, — они поражали своим разнообразием. Столы вдоль стен завалили сухими корневищами, тоже, по-видимому, орхидейными. Моему неопытному глазу все эти корни казались не стоящими и пяти шиллингов: сухие же, мертвые.

Посреди зала высилась трибуна, за которой восседал джентльмен с очень приветливым лицом. Он так быстро вел аукцион, что клерк рядом с ним едва успевал записывать покупателей. Перед трибуной за столом в виде подковы сидели покупатели. Край стола никто не занял, так что носильщики могли выставлять цветы для каждого нового лота. На столике у самой трибуны уместили еще горшков двадцать с орхидеями; цветы были еще красивее, чем на большом столе. Судя по объявлению, их намеревались продать ровно в половине второго. По всему залу тут и там стояли группы мужчин (всех дам усадили), большинство с орхидеями в петлице. Это, как я впоследствии выяснил, были продавцы и любители орхидей. Доброжелательные на вид орхидисты очень мне понравились.

Зал тоже казался чрезвычайно уютным, особенно по контрасту с улицами, тонувшими в ужасном лондонском тумане. Я пробрался в угол, чтобы никому не мешать, и наблюдал за аукционом. Вдруг чей-то приятный голос спросил, не желаю ли я заглянуть в каталог. Я посмотрел на говорившего и сразу почувствовал к нему чрезвычайную симпатию (я уже говорил, что принадлежу к людям, для которых первое впечатление очень важно). Рядом со мной сидел невысокий джентльмен, хорошо сложенный, крепкий с виду. Его трудно было назвать красавцем — обычный англичанин, лет двадцати четырех или двадцати пяти, светловолосый, голубоглазый, обаятельный. Я сразу понял, что передо мной милейший человек и добрая душа. В петлице его поношенного твидового костюма красовалась орхидея — знак принадлежности ко всей этой компании. Как ни странно, грубый костюм шел к румянцу и взъерошенным волосам незнакомца. По правде говоря, я видел его растрепанную шевелюру, потому что он сидел на своей шляпе.

— Благодарю вас, но я пришел сюда не покупать. Я мало смысла в орхидеях, — пояснил я, — за исключением некоторых видов, встречавшихся мне в Африке, и вот этой. — Я похлопал по жестяному ящику, который держал в руках.

— Африканские орхидеи меня очень интересуют, — сказал молодой человек. — Что у вас в этом ящике, растение целиком или только цветы?

— Всего один цветок. Он принадлежит не мне. Мой африканский друг просил меня... впрочем, это длинная история, которая вряд ли вас увлечет.

— Напротив. Судя по величине, у вас там стебель или бутон *цимбидиума*.

Я отрицательно покачал головой:

— Мой друг называл его иначе — *циприпедиумом*.

Молодой человек чрезвычайно удивился.

— Один цветок *циприпедиума* в целом ящике? Настолько крупный?

— Да, по словам моего друга, это самый крупный *циприпедиум* на свете из всех, что когда-либо были найдены. Около двадцати четырех дюймов от края одного бокового лепестка, — кажется, так он их называл, — до края другого, ширина чашечки около фута.

— Двадцать четыре дюйма в поперечнике и фут в чашелистике! — потрясенно воскликнул молодой человек. — И это *циприпедиум*! Сэр, вы шутите?!

— Ничего подобного, сэр! — возмутился я. — Ваши слова равнозначны обвинению во лжи. Впрочем, может действительно оказаться, что эта орхидея другого рода.

— Во имя богини Флоры, покажите мне ее скорее!

Я успел открыть ящик наполовину, когда к нам подошли двое джентльменов, которые либо слышали наш разговор, либо заметили волнение моего собеседника. В петлицах у них тоже были орхидеи.

— Ба, Сомерс! — начал один из них с фальшивой доброжелательностью. — Что там у вас?

— Что это у твоего друга? — вторил ему другой.

— Ничего, — ответил молодой человек, которого назвали Сомерсом. — В ящике у него... тропические бабочки.

— Ах бабочки... — отозвался номер один и пошел прочь.

А вот от господина номер два, напористого, с ястребиным взглядом, так легко было не отделаться.

— Давайте посмотрим на этих бабочек, — обратился он ко мне.

— Исключено! — воскликнул молодой человек. — Мой друг опасается, что сырость испортит их окрас, верно, Браун?

— Верно, Сомерс, — подыграл ему я и захлопнул ящик.

Мужчина с ястребиными глазами удалился, ворча, что сказки про бабочек уже встали ему поперек горла.

— Орхидист! — прошептал молодой человек. — Орхидисты народ ужасный. Оба этих джентльмена весьма богаты, мистер Браун... Простите, могу лишь надеяться, что угадал ваше имя, хотя, конечно, шанс невелик.

— Да уж, — усмехнулся я. — Меня зовут Аллан Квотермейн.

— А! Это лучше, чем Браун. Вот что, мистер Аллан Квотермейн. Здесь есть отдельная комната, и у меня имеется ключ от нее. Давайте переберемся туда с вашими... бабочками!

В этот момент мимо нас прошествовал господин с ястребиным взором.

— С удовольствием, — ответил я.

Мы вышли из аукционного зала, спустились по лестнице и в конце концов попали в комнатушку, по стенам которой стояли полки, уставленные книгами и гротесками.

Сомерс тщательно запер за собой дверь.

— Ну-с, — произнес он тоном романтического злодея, оставшегося наедине с добродетельной героиней, — теперь мы одни. Мистер Квотермейн, показывайте... ваших бабочек.

Я поставил ящик на сосновый стол у окна и открыл его. Под крышечкой лежал слой ваты, а под ним, между двумя стеклами, — золотистый цветок с широким зеленым листом, невредимый после долгих путешествий, прекрасный даже в засушенном виде.

Сомерс не мог оторвать от него глаз. Один раз он обернулся, пробормотал что-то, потом снова принялся рассматривать его.

— О Небо! Возможно ли, чтобы в нашем несовершенном мире существовал такой цветок? Ведь вы не подделали его, мистер Квотермейн?

— Сэр, — сказал я, — я во второй раз слышу оскорбительные намеки. Прощайте!

— Не обижайтесь! — воскликнул он. — Сжальтесь над слабостью бедного грешника! Вы не понимаете меня?

— Будь я неладен, если понимаю!

— Поймете это только тогда, когда начнете собирать орхидеи. Во всем, что не касается их, я человек абсолютно здравомыслящий. Мистер Квотермейн, — взволнованно продолжал он, понизив голос, — ваш друг прав. Это чудесная орхидея *циприпедиум*, и она стоит целой золотой копи.

— Охотно верю, учитывая мой опыт на золотых копиях, — заявил я колко и, как оказалось, пророчески.

— О золотой копии я говорил образно, а не буквально, не как участник кампании. Я имел в виду не один цветок, а растение, на котором он распустился. Где его можно найти, мистер Квотермейн?

— На юго-востоке Африки, — ответил я. — Место могу указать приблизительно, с точностью до трехсот миль.

— Это очень неопределенно, мистер Квотермейн. Конечно, расспрашивать вас я не вправе, мы же совсем незнакомы... Но уверяю вас, человек я порядочный. Может, вкратце расскажете мне историю этого цветка?

— Вряд ли мне следует это делать, — произнес я с некоторым колебанием.

Но все же, опустив имена и точные обозначения местности, я в общих чертах пересказал историю цветка и объяснил, что ищу тех, кто готов финансировать экспедицию в далекое место, где, вероятно, растет эта необыкновенная орхидея *циприпедиум*. Едва я закончил рассказ, как в дверь заколотили.

— Мистер Стивен! — позвали из-за двери. — Мистер Стивен, вы там?

— Господи, это Бриггс! — воскликнул молодой человек. — Бриггс, управляющий моего отца. Прячьте цветок, мистер Квотермейн. Входите, Бриггс, — сказал он, медленно открывая дверь. — Что-то случилось?

— Много чего, — взволнованно ответил худощавый мужчина, появляясь в дверях. — Ваш отец, я хочу сказать — сэръ Александр, неожиданно заглянул в контору и сильно рассердился, не застав там вас, сэръ. А когда услышал, что вы на аукционе орхидей, он разгневался еще пуще и послал меня за вами, сэръ.

— Вот как? — невозмутимо произнес мистер Сомерс. — Хорошо, Бриггс, передайте сэру Александру, что я сейчас вернусь.

Бриггс неохотно удалился.

— Я вынужден покинуть вас, мистер Квотермейн, — вздохнул мистер Сомерс, запирая дверь за Бриггсом, — но обещайте мне не показывать никому цветок до тех пор, пока я не вернусь. Задержусь в конторе на полчаса, не более.

— Хорошо, мистер Сомерс. Я подожду вас в аукционном зале полчаса и обещаю, что до вашего возвращения никто этот цветок не увидит.

— Благодарю вас. Вы хороший человек. Даю слово, что сделаю все возможное, дабы вы ничего не потеряли из-за своей доброты.

Мы вместе вышли в аукционный зал, и вдруг мистер Сомерс о чем-то вспомнил.

— Господи! — воскликнул он. — Я чуть не забыл об *одонтогlossуме*. Где же Вудден? Вудден, идите сюда, мне надо с вами поговорить!

Вудден повиновался. Я дал бы ему лет пятьдесят, хотя о его возрасте нельзя было судить ни по глазам, то ли светло-голубым, то ли светло-серым, ни по жестким рыжеватым волосам, ни по крупным натруженным рукам с мозолистыми ладонями и обломанными ногтями. Он был в костюме из блестящей черной ткани — из тех, что рабочие надевают на похороны. Я решил, что Вудден садовник.

— Вудден, — сказал Сомерс, — у этого джентльмена самая замечательная орхидея в целом мире. Присматривайте за ним, чтобы его не ограбили. В этом здании, мистер Квотермейн, есть люди, которые ради такого цветка не задумываясь убьют вас, а труп выбросят в Темзу, — мрачно прибавил он.

Получив указание, Вудден перекатился с носка на пятку, словно ощутил первые толчки землетрясения. Он делал так всегда, если что-то его удивляло. Потом он вперил в меня блеклые глаза, явно изумленный моей внешностью, потянул себя за рыжеватую прядь и проговорил:

— К вашим услугам, сэр. А где эта орхидея?

Я показал на жестяную коробку.

— Да, она там, — продолжал Сомерс, — и вы должны охранять ее. Мистер Квотермейн, если вас попытаются ограбить, позовите Вуддена, и он усмирит смутьяна. Вудден — мой садовник, я доверяю ему полностью, а в усмирении смутьянов — особенно.

— Ага, смутьяна я усмирю, — подтвердил Вудден, сжал кулачищи и подозрительно оглянулся по сторонам.

— Теперь слушайте дальше, Вудден. Видите вон ту орхидею *одонтоглоссум паво*? — Он указал на растение в центре столика под аукционной трибуной.

Оно цвело мелкими белыми цветками удивительной красоты. На верхнем лепестке и на нижней кромке каждого округлого цветочка переливалось пятно, очень напоминающее глаз на хвостовых перьях павлина. Наверное, поэтому цветок и назывался *паво*, то есть «павлиний».

— Вижу, хозяин. Цветов красивее я в жизни не видал. В Англии таких глоссумов не сыщешь, а это еще и павлиний глоссум, — убежденно ответил Вудден и снова перекатился с носка на пятку. — Тут многие вертятся вокруг него, крутятся, словно собаки около крысиной норы. И видно, неспроста! — В голосе садовника звучало торжество.

— Правильно, Вудден, вы сама логика. Послушайте, *паво* нужно заполучить во что бы то ни стало. Меня зовет отец. Я собираюсь скоро вернуться, но могу и задержаться. В таком случае от моего

имени будете действовать вы, ибо местным агентам я не верю. Сейчас напишу доверенность.

Сомерс взял визитку и нацарапал на ней:

Садовник Вудден уполномочен мной действовать от моего имени.
С. С.

— Теперь, Вудден, — продолжал он, когда карточку передали аукционеру, — смотрите не опростоволосьтесь, не упустите *па-во*. — С этими словами он ушел.

— Что имел в виду мой хозяин, сэр? — спросил меня Вудден. — Я должен приобрести павлинью орхидею, сколько бы она ни стоила?

— Да, — ответил я, — я тоже понял его так. Полагаю, стоит *па-во* недешево, наверное несколько фунтов.

— Не знаю, сэр, не знаю. Знаю только то, что я должен купить его. Если речь об орхидеях, денежный вопрос моего хозяина не останавливает.

— Мистер Вудден, вам ведь тоже нравятся орхидеи?

— Нравятся? Сэр, да я их обожаю! — Вудден перекатился с носка на пятку. — Таких чувств нет больше ни к чему и ни к кому. Даже к старухе моей нет! Даже к хозяину, — добавил он с трепетом. — А хозяина я люблю, Бог свидетель. Прошу вас, сэр... — Вудден дернул себя за волосы. — Держите коробку крепче. Мне велено приглядывать не только за павлиньим глоссумом, но и за ней. Вон тот тип в большой шляпе кажется подозрительным.

На этом мы расстались. Я забился в свой угол, Вудден встал у стола, поглядывая одним глазом на «павлиний глоссум», другим на мой жестяной ящик.

«Ну и чудак! — подумал я. — Теплое отношение к супруге, горячая любовь к хозяину, клокочущая страсть к орхидеям — вот так шкала чувств. Интересный чудак, честный и отважный».

Торги понемногу стихли. Продавали так много засушенных орхидей одного особенного сорта, что на всех не нашлось покупателей и много растений пришлось унести. Наконец с трибуны к собравшимся обратился жизнерадостный мистер Примроуз.

— Джентльмены, — сказал он, — я прекрасно понимаю, что вы сегодня пришли сюда не для того, чтобы приобрести какую-нибудь *каттлею Мосси*. Вы пришли сюда, чтобы купить, попытаться купить или посмотреть, как покупают чудеснейший *одонтоглоссум* Англии, принадлежащий знаменитой фирме, которой я приношу свои поздравления как обладательнице исключительной редкости. Джентль-

мены, этому чудесному цветку впору украшать королевскую оранжерею. Но он достанется тому, кто заплатит за него наибольшую сумму. Я полагаю, что сегодня здесь собралось большинство крупнейших коллекционеров, — прибавил он, оглядывая присутствующих. — Правда, я не вижу молодого орхидиста мистера Сомерса, но он поручил достопочтенному мистеру Вуддену, своему главному садовнику, одному из лучших ценителей орхидей в Англии, выступить за него на аукционе замечательного цветка, о котором я говорил. — (Вудден лихорадочно закачался с носка на пятку.) — Сейчас ровно половина второго, и мы приступим к делу. Смит, пронесите *одонтоглоссум паво* по залу, чтобы все увидели, как красив этот цветок. Только не уроните! Джентльмены, прошу вас не трогать цветы руками и не портить их чистоту табачным дымом. Восемь распустившихся цветков и четыре — нет, пять! — бутонов. Совершенно здоровое растение. Шесть ложных луковиц с листьями и три без них. Два отростка, которые, как мне подсказывают, можно срезать в надлежащее время. Кто желает купить *одонтоглоссум паво*? Кому посчастливится стать обладателем этого чуда природы? Благодарю вас, сэр — триста, четыреста, пятьсот, шестьсот, семьсот, в трех местах сразу. Восемьсот, девятьсот, тысяча! Джентльмены, чуть быстрее! Благодарю вас, сэр, — тысяча пятьсот, тысяча шестьсот. Ставка против вас, мистер Вудден. Ага! Благодарю вас, тысяча семьсот.

Возникла короткая пауза, во время которой я, думая, что цифра 1700 означает шиллинги, занялся переводом последних в фунты. Получилось восемьдесят пять фунтов. «Ничего себе! — подумал я. — Восемьдесят пять фунтов — дороговато за одно растение, пусть даже редкое. Мистер Вудден слишком рьяно выполняет указание хозяина».

Молящий голос мистера Примроуза вывел меня из задумчивости:

— Джентльмены, джентльмены, вы же не допустите, чтобы это чудо природы, у которого, повторю, нет аналогов, было продано по столь ничтожной цене? Активнее! Активнее! — восклицал он. — Если все-таки дойдет до такого позора, я лишусь сна. Раз! — (Молоток опустился в первый раз.) — Представьте, джентльмены, мое положение, если придется сообщить бесславную правду именитым владельцам цветка, которые не присутствуют здесь из деликатности. Два! — (Молоток опустился во второй раз.) — Смит, поднимите цветок вверх. Пусть джентльмены видят, что теряют!

Смит поднял цветок, и все на него уставились. Молоточек из слоновой кости описал круг над головой мистера Примроуза и уже

СОДЕРЖАНИЕ

СВЯЩЕННЫЙ ЦВЕТОК

Перевод под редакцией В. Попова и А. Ахмеровой

Глава I. Брат Джон	7
Глава II. Аукционный зал	20
Глава III. Сэр Александр и Стивен	34
Глава IV. Зулус Мавово и готтентот Ханс	45
Глава V. Работорговец Хасан	57
Глава VI. Невольничья дорога	74
Глава VII. Натиск невольников	85
Глава VIII. Магическое зеркало	96
Глава IX. Бауси — король племени мазиту	107
Глава X. Смертный приговор	118
Глава XI. Прибытие Догиты	130
Глава XII. История Брата Джона	139
Глава XIII. Город Рика	153
Глава XIV. Клятва Калуби	165
Глава XV. Мотомбо	179
Глава XVI. Боги	190
Глава XVII. Дом Священного цветка	206
Глава XVIII. Удары судьбы	219
Глава XIX. Подлинный Священный цветок	234
Глава XX. Битва у ворот	244
Эпилог	255

ЧУДОВИЩЕ ПО ИМЕНИ ХОУ-ХОУ

Перевод К. Королева

От автора	263
Глава I. Буря	265
Глава II. Рисунок в пещере	275

Глава III. Открыватель дорог	288
Глава IV. Предание о Хоу-Хоу	303
Глава V. Аллан дает обещание	314
Глава VI. Черная река	331
Глава VII. Валлу	344
Глава VIII. Священный остров	359
Глава IX. Пиршество	371
Глава X. Жертвоприношение	383
Глава XI. Водяные затворы	395
Глава XII. Заговор	405
Глава XIII. Страшная ночь	415
Глава XIV. Конец Хоу-Хоу	425
Глава XV. Прощание Сабилы	442
Глава XVI. Наперегонки со смертью	453

ОНА И АЛЛАН

Роман о любви и верности

Перевод Н. Непомнящего

Вместо предисловия	469
Глава I. Талисман	474
Глава II. Посланники	485
Глава III. Из племени топора	494
Глава IV. Лев и Топор	504
Глава V. Инес	515
Глава VI. Охота на гиппопотамов	523
Глава VII. Клятва	533
Глава VIII. Погоня	544
Глава IX. Болото	554
Глава X. Нападение	565
Глава XI. Сквозь стену	574
Глава XII. Белая ведьма	582
Глава XIII. Странная история	592
Глава XIV. Упущенный шанс	603
Глава XV. Робертсон потерялся	611
Глава XVI. Видение Аллана	623
Глава XVII. Полуночная битва	632
Глава XVIII. Убийство Резу	641

Глава XIX. Заклинание	651
Глава XX. Ворота смерти	663
Глава XXI. Урок	673
Глава XXII. Прощание	684
Глава XXIII. Что увидел Умслопогас	694
Глава XXIV. Умслопогас надевает Великий талисман	704
Глава XXV. Сообщение от Белой королевы	715

СОКРОВИЩЕ ОЗЕРА

Перевод Н. Машкиной

Предисловие Аллана Квотермейна	721
Глава I. История Кенеки	725
Глава II. Деловое чутье Аллана	737
Глава III. Суд над Кенекой	749
Глава IV. Белая Мышь	758
Глава V. Спасение	772
Глава VI. Друзья Кенеки	783
Глава VII. Путешествие	793
Глава VIII. Слоновий танец	805
Глава IX. Кенека раскрывает карты	818
Глава X. Странник	829
Глава XI. История Аркла	841
Глава XII. Клятва Кенеки	855
Глава XIII. Перед алтарем	867
Глава XIV. Тень	882
Глава XV. На озере и в лесу	892
Глава XVI. Послание от Кенеки	902
Глава XVII. Великая буря	914
Глава XVIII. Аллан спасается бегством	926
Глава XIX. Брачный союз и проклятие	936
Глава XX. Прощание	949

Хаггард Г. Р.

Х 13 Священный цветок ; Чудовище по имени Хоу-Хоу ; Она и Аллан ; Сокровище озера : романы / Генри Райдер Хаггард ; пер. с англ. под. ред. В. Попова и А. Ахмеровой ; пер. с англ. К. Королева, Н. Непомнящего, Н. Машкиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 960 с. : ил. — (Мир приключений).

ISBN 978-5-389-11203-2

Бесстрашный охотник Аллан Квотермейн по прозвищу Макумазан, что означает «человек, который встает после полуночи», никогда не любил сырости и чопорности родной Англии, предпочитая жаркий пыльный простор африканского вельда; его влекли неизведанные, полные опасностей земли Черного континента, где живут простодушные и жестокие, как все дети природы, люди, где бродят стада диких буйволов и рычат по ночам свирепые львы. Вот эта жизнь была по нраву Квотермейну — любимому герою замечательного писателя Генри Райдера Хаггарда, который посвятил отважному охотнику множество книг.

Цикл приключений Аллана Квотермейна продолжают «Священный цветок», «Чудовище по имени Хоу-Хоу», «Она и Аллан», «Сокровище озера». Эти произведения выходят в новых или дополненных переводах, с сохранением примечаний английских издателей. Книга иллюстрирована классическими рисунками Мориса Грайфенхагена и замечательной графикой Елены Шипицыной.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД
СВЯЩЕННЫЙ ЦВЕТОК
ЧУДОВИЩЕ ПО ИМЕНИ ХОУ-ХОУ
ОНА И АЛЛАН
СОКРОВИЩЕ ОЗЕРА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редакторы Алла Ахмерова, Ирина Беличева
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Бобкова, Елена Терскова, Светлана Федорова
Обработка иллюстраций Александра Лютикова, Валерия Макарова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.02.2018. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 60. Заказ №2

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/



И-MPR-19233-01-R